

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В МАЛОЙ ПРОЗЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ АВТОРОВ: ПРОБЛЕМАТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Бегуганова Елена Нартшаовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», alena.betuganova@yandex.ru

В статье представлена концепция военной тематики в литературе, во многом связанная с процессами переустройства общества и формирования новой идеологии, новых духовных ориентиров, и воплощение данной темы в произведении малых жанров кабардино-черкесской прозы на современном этапе. Своеобразие идейно-художественного содержания рассказов о Великой Отечественной войне обусловлено не столько показом военных событий и боевых подвигов, сколько духовными исканиями и философскими раздумьями. Определяющей чертой является углубление психологизма через отход от непосредственного изображения событий к исследованию внутреннего мира человека, столкнувшегося с войной. В рассказах современных прозаиков наблюдается стремление к поиску новых художественных решений, позволяющих воссоздать многогранный характер человека. В статье исследуются вопросы генезиса и эволюции жанра рассказа о Великой Отечественной войне, определяется идейно-тематическое и художественное своеобразие малой прозы о Великой Отечественной войне, созданных в постсоветский период, устанавливаются их художественно-стилевые особенности, выявляются эволюционные изменения, произошедшие в идейно-тематическом отношении, рассматривается преемственная связь между представителями разных писательских поколений.

Ключевые слова: рассказ, новелла, постсоветский период, Великая Отечественная война, история, символика, образ, Б. Журтов, Б. Гаунов.

Кардинальные изменения, произошедшие на рубеже XX–XXI веков в разных сферах общественно-политической, экономической, социокультурной жизни российского общества, ознаменовали новый этап исторического бытия. В связи с заменой общественной формации и идеологической парадигмы, сопровождающейся переоценкой ценностей, большой интерес представляет в литературе трактовка темы Великой Отечественной войны, так как она, являясь отражением закономерностей литературного процесса данного периода, созвучна сложным социально-философским, нравственным исканиям современной эпохи.

Известный литературовед А.Г. Бочаров отмечает: «Фиксируя поступательное движение прозы, мы не мыслим его как беспрестанный подъем вверх, при котором любое произведение, написанное позже, уже в силу преимуществ исторической перспективы превосходит ранее написанное»¹. Развитие литературы – это художественное освоение новых форм жизни, овладение новыми приемами изображения, преодоление противоречий, возникающих в процессе исторического движения общественной мысли.

В связи с углублением проблем войны писатели пытаются по-новому взглянуть на то, что ранее находилось вне художественного изображения. В отличие от писателей старшего поколения представители нового поколения редко касаются изображения подвига, больше углубляясь в художественный анализ последствий.

В рассказах «Уэшх нэужьым» – «После дождя» Б. Журтова, «Пошттым» – «На почте», «Чышбалъкъ акъужь» – «Ветреная Кичмалка», «Жэназыщтым» – «Молитва по умершим» Б. Гаунова авторы задаются вопросом, какова была судьба сирот и каково было отношение властей к этим жертвам войны, ведь после Великой Отечественной войны в стране было около 680 тысяч сирот. «Теперь, когда тысячи советских детей лишились родных и остались без крова, – писала газета «Правда», – их нужды должны быть приравнены к нуждам Фронта»². В рассказе «Жэназыщтым» сторож Токан, поймав двух братьев-сирот, ворующих колхозное сено, корм для коровы, что было единственным спасением от голода в послевоенное время, отбирает его у детей. Из уст детей звучит главная мысль рассказа: *«Зыми гу къытлымьтэну, зыри къыддэмылэпыкъуну ара? Папэ нэмыцэхэм зэрэ-зэуар арауэ нлэрэ мы нобэ ди мэкъу тлэкгур къыдэзымыгъэиэжхэм я гум темьхуэр... Си папэ дыщэ, пцлэрэ зы цлыхум дыкъызэрыфлэмылуэхур, зыми ди хъэтыр къамылгагъуу унэ дийжам, гъэши, нэгъуэцлИ ихыныгъуи зыцлэмыль унэжьым дызэрыцлэсыр?»*³. – «Неужели никто на нас не обратит внимание, никто нам не поможет? Наверное, нам не разрешили привезти сено домой, потому что папа воевал с немцами. Дорогой папа, знаешь ли ты, что наша судьба никому не интересна, в ледяном доме мы сидим, и нам нечего есть». То есть сироты, жертвы войны, оставались предоставленными сами себе и вели неравную борьбу с послевоенной действительностью. Б. Журтов развивает мысли Б. Гаунова: в рассказе «Уэшх нэужьым» – «После дождя» троим братьям, оставшимся один на один со своей бедой, оказал помощь сосед, который оказался честным человеком и вернул детям корову, которую одолжил в мирное время у их погибшего отца.

Современный этап изучения кабардино-черкесской литературы характеризуется усилением внимания к специфике отражения внутреннего мира человека, способности писателей описывать различные психологические состояния и процессы с помощью художественных средств. Пейзаж, включенный в состав психологического параллелизма, традиционно связываемого с фольклором, позволил автору передать душевное состояние братьев. Дождь в рассказе Б. Журтова выступает в качестве фона для обрисовки душевного состояния мальчиков – сирот, оставшихся один на один со своей бедой. «Национальные авторы часто обращаются к образу дождя как функциональному воплощению обновления, возрождения, очищения, причем в подавляющем большинстве текстов он строго позитивен – и в тех случаях, когда это обусловлено целевой установкой автора, и тогда, когда позитивный «заряд» дождя задан его традиционными смыслами»⁴. Однако в рассказе Б. Журтова такое сопровождение говорит о соотнесенности внутренней тревоги мальчиков и пейзажа, которые, дополняя друг друга, усиливают драматический смысл изображаемого.

Таким образом, анализ кабардино-черкесского рассказа о войне показывает, что ведутся серьезные поиски новых перспективных решений проблемы взаимосвязи характера и среды. Развитие характера происходит через ее взаимодействие с условиями, диктуемыми жизнью в военное время.

Весь тысячелетний опыт говорил о том, что человек выходил из трагических коллизий истории более сильным, чем был прежде, что военные обстоятельства способствовали возмужанию героя, проявлению положительных качеств человека. Лихие годы смут, внутренних раздоров, кровопролитных войн не в состоянии были сломить дух народа. У современного рассказа были свои открытия, свои творческие удачи и достижения. Литература стремится рассмотреть человека в контексте времени, сформировавшего его таким, какой он есть, показать, как не контролируемые жестокими обстоятельствами характеры людей часто проявляют неблагоприятные стороны своего характера. В рассказе Б. Гаунова «Пошттым» – «На почте» вся ответственность легла на плечи вдовы, которой неоткуда было ждать помощи – вся семья надеялась на ее скромный доход. А потому

получать пенсию отца она отправляет сына. Почтальон обманным путем, якобы он отдал положенную пенсию ребенку, который так и не смог дойти до почты, испугавшись гусей, присваивает деньги себе. Автор показал, как голод, охвативший всю страну, в первые годы после войны, способствовал тому, что обезумевшие люди ради собственного спасения и своих близких шли на воровство. Как мы видим, изображение становления характера под влиянием внешней среды в кабардино-черкесском рассказе в постсоветский период лишено односторонности и простоты, представляет сложную диалектическую систему, находящуюся в постоянном движении.

Со временем конфликт как основа претерпевает изменения, переходя в сферу человеческой души. Определяющей чертой рассказов становится углубление психологизма через отход от непосредственного изображения событий и боевых подвигов к исследованию внутреннего мира человека, столкнувшегося с войной. Все возрастающее внимание к внутреннему миру человека повлекло за собой многообразие жанрово-стилевых решений. Результатом смыслового насыщения и углубления исследования внутреннего мира человека становится то, что в кабардино-черкесской литературе постсоветского периода формируется военный психологический рассказ с особым художественным качеством, называемым психологизмом. Эпистолярная форма, которую использует в рассказе Б. Гаунов открывает широкие возможности для выражения внутреннего мира героя, потерявшего на войне отца. В рассказе «Уэ къэкІуэж закъуэ, папэ» – «Ты только вернись, папа», где речь ведется от лица главного героя, в центре внимания – самые тайные уголки внутреннего «я» ребенка, переданные в форме письма, обращенного к погибшему отцу: «*КъэкІуэж, кхъыІэ папэ. И, папэ, хъун? КъэкІуэж закъуэ! Нэзытхыр Анзорц. ФІыкІэ, папэ!*» – Вернись, пожалуйста, папа. Хорошо, папа? Ты только вернись, папа! Пишет тебе Анзор. До скорого, папа! Пишет тебе Анзор!»⁵. Письмо фиксирует процесс внутренних перемен, драматическую ломку, дает возможность проникнуть в глубинные слои детской души. Важную роль в психологизации повествования играет динамично меняющийся тон повествования, определенные психологические функции выполняет описание. В начале рассказа наивный, непосредственный мальчик, по имени Анзор, не желая мириться с мыслью, что его отец погиб, продолжает писать ему трогательные письма, тем самым, не желая, воспринять, впустить мысль о смерти отца. Но после того, как почтальон в очередной раз не принес долгожданные письма, оптимизм и жизнерадостность детской природы уступают расчеловечивающим обстоятельствам военной действительности.

Рубеж веков – эпоха поисков самовыражения. 90-е годы ознаменованы стремлением к обновлению прозы. Цветообраз становится выразителем субъективного творческого начала, стиливой индивидуальности автора. Цвет крови, которым рисовал мальчик, позволил А. Камергоеву воплотить невыразимое, глубоко личное, диалектику души. «Семантика данной колоративной «фигуры» сформировалась за сотни лет развития русского фольклора, даже языка (понятия «красный» и «красивый» в русском языке генетически родственны, следовательно, красный цвет несет положительную окраску изначально в силу своего родства с безусловно позитивным определением «красивый». В рассказах о войне «наблюдаются трансформации с цветообозначением «красный»⁶. Образ крови в рассказе приобретает зловещий оттенок. Мастерски выполненный кровью рисунок обозначает смерть, раны, много тяжелого и невозвратимого. Символический образ крови призван обратить внимание на смысловые глубины рассказа, вовлечь его в процесс сотворчества.

Центральным персонажем многих лирических рассказов стал образ женщин, олицетворяющий трагическую сущность войны. Авторы нового поколения осмысливают роль военного прошлого в жизни матерей. Обобщенный образ

скорбящей матери воплощен в рассказе Б. Журтова «Мэрэмэжьей» – «Орешник». Старческую жизнь одинокой матери скрашивает только одно – сохранить память о своем погибшем муже и сыновьях. Все просьбы колхоза отдать им пустующий земельный участок, старушка отвергает не раздумывая. Твердое и непоколебимое желание бабушки отстоять участки земли – это желание сохранить жизнь и увидеть в своем дворе долгожданных внуков.

Обращение к теме Великой Отечественной войны спустя годы, философское осмысление ее последствий обусловили особенности стилевой организации военной прозы писателей. Произведение полно символики: орешник, под которым любили сидеть сыновья, земельный участок, который она свято бережет. Участок земли не только выражают отсутствие сына, но также становится следом, сообщением – он молчит, но хранит в себе ответы, необходимые матери. Не имея возможность защищать жизнь, не принимая войну и ее страшных законов, мать постаралась защититься от нее сама, убить ее в себе, и, вопреки времени, сохранить в своей памяти живыми мужа и сыновей. Особое место автор отводит роли пейзажа, в частности орешнику. На первый взгляд, незримый образ – орешник – воспринимается как непосредственное описание природы. Важно, однако, подчеркнуть глубину философско-поэтической концепции, когда за непосредственно изображаемым предметом встает нечто большее. В основу рассказа легло национальное мировоззрение, его генетическая связь с языческими источниками, способность одухотворять и очеловечивать природу. «В адыгских мифопоэтических воззрениях дерево изоморфно человеческому существу. Деревья, принадлежащие к различным породам, обладают (орех, груша) человеческими и сверхчеловеческими качествами, наделены волей и сознанием и служат воплощением основных дихотомических понятий: «добро» – «зло», «мужской» – «женский». Мифологизация растительного мира находит отражение в сакрализации отдельных пород деревьев: одним из них приписываются «благодетельные функции» – «угъурлы», другим «злокозненные», «неблагоприятные» – «угъурсыз». Сакрально значимый символизм отдельных пород деревьев приобретает негативный, даже зловещий характер, угрожая его микрокосмосу. Особенно выразителен в этом плане запрет сажать вблизи дома ореховое дерево, потому что его корни могут проникнуть под основание дома и погубить главу семьи»⁷. Орешник, который проник своими корнями в основание дома и погубил главу семейства – в контексте рассказа символизируют войну, оборвавшую целый человеческий род.

Однако, «у адыгов бытует обычай сажать на могилах деревья, чаще всего орех. Это, вероятно, связано с душевной и телесной жизнью человека: оно соединяется до такой степени, что прах человека не пропадает, а, напротив, переходит непосредственно в живущее дерево»⁸. Проявление эстетического сознания кабардино-черкесских писателей в рассказе происходит в неразрывном единстве исторического и духовного развития нации. Поэтому особый философский смысл приобретают мифы, легенды, а также образный арсенал кабардино-черкесской культуры (архетипы, символы). В этом находит выражение философская сентенция автора о том, что жизнь имеет свое продолжение, следствие, растягивается во времени, имеет длительность. Небытие оживает в природе, чтобы стать мыслью о будущем, ради которого отдана жизнь.

Понятие и сущность лирической прозы о войне приобрели новую форму и новое содержание, возникли новые пути ее проявления. Кабардино-черкесские авторы своеобразно используют и обновляют в малых жанрах, в частности новелле, богатство стилистических приемов лирической прозы. В новелле «Хъэд-жэт и къэфэ» – «Танец Хаджат» М. Хаупшев по-своему воплощает возможности лирического стиля. Одна из важных тем военного рассказа – судьба вдов, этих незримых жертв войны: не погибших, не раненых, не пропавших, и все-таки

глубоко несчастных. Хаджат, проводив мужа на войну, дала себе слово, что сыграет на гармошке лишь тогда, когда вернется муж, но увы, ее мечтам не суждено было сбыться. Получив похоронку, Хаджат, вопреки обещанию, все-таки взяла в руки гармонь и пронзительно на ней сыграла. После того, как игра закончилась, молодая вдова неожиданно скончалась. Используя звук гармошки, автор обогатил представление литературы об эмоциональной сфере человека. Особенность лиризма новеллы М. Хаупшева в ее музыкальности. Мелодия дает эмоциональный ключ к рассказу, выступает не просто фоном, не просто аккомпанирует душевному состоянию, а создает его, выступает импульсом к разворачиванию лирической эмоции (Недаром слово «лирика» произошло от названия музыкального инструмента и переводится с греческого «*lykos*» как музыкальный, напевный). М. Кештов говорит о непосильности, невыносимости войны прежде всего для женщин, он подчеркивает мысль о несовместимости войны и женской нежности: сердце женщины остановилось, не выдержав нравственных перегрузок. Потерявшая на войне любимого человека, вдова глубоко и проникновенно реагирует на полученную похоронку. Используя подобный художественный прием, М. Кештов подчеркивает, как военное время сказалось на женщине, правдиво отражает внутренние переживания вдовы в послевоенную пору.

Налицо в рассказе влияние западноевропейской новеллы, которая определяется как произведение малой эпической формы с острым центростремительным сюжетом, композиционной стройностью и строгостью. На кабардино-черкесской основе получил развитие особый, лирико-психологический вариант новеллы. Но общим осталось напряжение действия и «*poïnte*» – напряженная, значимая концовка.

Углублению эмоциональной наполненности, психологической обрисовки содействовало обращение кабардино-черкесских прозаиков к фольклорно-песенной поэтике. «Жанр народной песни о войне явился для многих писателей стилистической базой, позволившей экспрессивно передать трагизм времени и эмоциональное состояние людей»⁹. Так, лиричность, идущая из песен, в новелле А. Камергоева «ЦыхуфI и вагъуэ» – «Звезда хорошего человека» стала средством раскрытия внутренних переживаний женщин, потерявших сыновей, мужей, любимых людей: певучим соединением слов автор старается передать настроения, невыразимые в словах: несложившееся семейное счастье, нерастратченную женскую нежность, разбитые надежды женщины:

*СыкъыцIокIри мазэм сопгърэ,
СыцIохъэжри согъуэльгыжрэ –
Сыфызабэу сыкъэна мыгъуэц-уей!*¹⁰

Выхожу и смотрю на месяц,
Захожу и ложусь –
Вдовой осталась!

Неоценимы возможности народной песни в передаче национально-этнографического колорита, атмосферы духа определенной эпохи.

В военных рассказах Б. Журтова «Адэжь лъапсэжь» – «Отчий дом», «Шыуанышхуэ» – «Котел» расширяется мотив памяти. В них память не подвластна времени, она преодолевает смерть, и даже время. Малые жанры характеризуются особым построением сюжета и композиции. Этим можно объяснить широкое использование авторами символических деталей, образов и картин, пейзажных зарисовок. Котелок, выделенный в произведении Б. Журтова крупным планом, несет повышенную смысловую, идейную нагрузку, перерастая в *символ*. Молодой парень Насредин еще войны купил, котелок, готовясь к своей будущей свадьбе, до которой он так и не дождался. Долгие годы родственники, близкие, соседи бережно хранят котелок. В этом котелке память народа о молодом парне Насрадине, чью

жизнь унесла война. Обращает автор свое внимание и на другую проблему: «Нэцрэдиныр мис а Есэнкгул Елдар и къуэц. А зы унагъуэ закъуэриц ди жылэ кГыхьым Есэнкгулу дэсари... А Нэцрэдиным фІэкі быни ягъуэтакъым»¹¹. – «Насрадин Есенкулова Эльдара сын. Это были единственные Есенкуловы во всем нашем большом селе. А Насрадин был их единственный сын». В годы войны были разрушены, порваны нити, соединявшие семьи, роды, было истреблено целое поколение людей, родившихся в 1919–1924 гг. Война убила не только веками сложенный генофонд, оборвала родовую цепочку поколений, жизнь целого рода. Автор подчеркнул, что война не только убила конкретно Насрадина, а оборвала целый род Есенкуловых. Это рассказ не о трагедии одной семьи. Это образ народа, потерявшего своих сыновей, это образ жизни, у которой обрублены корни.

Эта тема нашла свое развитие в другом рассказе Б. Журтова. Жизнь главного героя в рассказе «Адэ лъапсэжь» – «Отчий дом» получила свое продолжение в единственном сыне. После того, как жена получила похоронку о смерти мужа, она решила вернуться к родителям. Однако сын так и остался непоколебим в своем решении остаться жить в отчем доме. Пусть не с матерью, а соседним стариком, но зато среди своего рода. Сколько бы раз мать не забирала бы его к себе, мальчик снова и снова украдкой возвращался в отчий дом. Л.Н. Толстой утверждал, что «люди как реки»: каждый имеет свой исток, свое русло. Автор утверждает идею непрерывно обновляющейся жизни, на смену погибшему солдату, пришло новое поколение, ради счастья которого солдат отдал свою жизнь. Жертва, принесенная им, была не напрасна, в этом автор видит бессмертие солдата.

Таким образом, творчество писателей постсоветского периода – новый этап изображения в литературе. Время, в которое писали прозаики, обеспечило свободу творческого проявления, что позволило авторам обратиться к новым проблемам, ранее не изученным. Все это позволило сделать военную прозу интереснее, глубже, богаче.

Примечания

1. Чекашкина Н.И. Художественное осмысление Великой Отечественной войны в современной мордовской прозе. URL:https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002741271.pdf (Дата обращения: 15.03.2018).
2. История сиротства в России. URL:http://www.svdeti.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1567:sirostvo&Itemid=96 (Дата обращения: 15.03.2017).
3. Гъэунэ Б. Нэхулэ. Рассказхэр. Очеркхэр. Налшык: Эльбрус, 1996. 192 с.
4. Узденова Ф.Т. Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст. Нальчик: Принт центр, 2016. 212 с.
5. Гъэунэ Б. Нэхулэ. Рассказхэр. Очеркхэр. Налшык: Эльбрус, 1996. 192 с.
6. Узденова Ф.Т. Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст. Нальчик: Принт центр, 2016. 212 с.
7. Кудаева З.Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры. URL: <http://www.dslib.net/folklor/mifo-jepicheskaja-model-adygskoj-slovesnoj-kultury.html> (Дата обращения: 30.03.2018).
8. Кук А.С. Священное дерево в мифопоэтических воззрениях адыгов. URL: <http://docplayer.ru/31340849-Svyashchennoe-derevo-v-mifopoeticheskikh-vozzreniyah-adygov-recenzirovana.html> (Дата обращения: 30.03.2018).
9. Узденова Ф.Т. семиотический контекст и национальная идентичность // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 3 (65). С. 294–300.
10. КІэмыргугей Т. Сэщхьыркъэпс. Новеллэхэр. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2007. 96 с.
11. Журт Б. Тхыгъэхэр. Рассказхэр. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 1997. 440 с.

**EVOLUTION OF THE STORY GENRE
IN KABARDINO-CIRCASSIAN LITERATURE OF POST-SOVIET TIME:
DEVELOPMENT TRENDS**

Betuganova Elena Nartshaovna, Candidate of Philology, Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alena.betuganova@yandex.ru

The article presents the concept of military subjects in literature, largely associated with the processes of restructuring society and the formation of a new ideology, new spiritual landmarks, and the embodiment of this topic in the works of small genres of Kabardino-Cherkess prose at the present stage. The peculiarity of the ideological and artistic content of the stories about the great Patriotic war is caused not so much by the indication of military events and military exploits, but by spiritual searches and philosophical thoughts. The defining feature is the deepening of psychology through the departure from the direct image of events to the study of the inner world of man, faced with the war. In the stories of modern prose writers there is a desire to find new artistic solutions that allow to recreate the multifaceted nature of man. The article examines the Genesis and evolution of the genre of the story of the great Patriotic war, defines the ideological-thematic and artistic originality of the small prose of the great Patriotic war, created in the post-Soviet period, establishes their artistic and stylistic features, identifies the evolutionary changes that occurred in the ideological and thematic relation, considers the continuity between the representatives of different generations of writers.

Keywords: story, post-Soviet time, history, symbolism, image.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-98-104